

ПРОЗА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА 20-30-ЫХ ГОДОВ

Всеволод Вячеславович Иванов, уроженец Павлодара, в русской литературе Казахстана занимает особое место. Симптоматично появление его произведений в середине 20-ых годов в первом «толстом» советском журнале «Красная новь». В № 1 за 1921-ый год вышла его повесть «Партизань», а в № 1 за 1922-ой год – повесть «Бронепоезд 14-69». Эти произведения Всеволода Иванова положили начало циклу произведений о гражданской войне в Сибири и Казахстане. Действие в «Партизанских повестях», «Цветных ветрах» (1923 г.), «Голубых песках» (1922г.) происходит в Восточном Алтае и Прииртышье, а героями и действующими лицами в них являются не только русские, но и казахи, приближающиеся к новым преобразованиям.

К казахстанской тематике можно отнести и многие рассказы этого писателя из сборника «Седьмой берег» (1), что отражено в заглавиях отдельных новелл и в попытке представить точку зрения простого степняка на происходящее вокруг него. Так, в рассказе «Киргиз Темербей» действие происходит в глухой степи, вдали от больших городов во время гражданской войны. Герой не вмешивается ни во что, он замкнут в кругу своих интересов, ведет тихую спокойную жизнь. Столкновение со злом вызывает у него активный протест. В поисках коня он отдалается от аула и становится случайным и нечаянным свидетелем расстрела белоказаками двух красно-армейцев. Он видит среди конных казаков знакомых станичников, но что-то настораживает его в их поведении, и он боится выдать себя. Казаки заставляют пленников рыть себе могилу, и Темербей начинает догадываться, что сейчас произойдет. Иванов через детальное описание психологического состояния героя, лежащего тихо под кустом и наблюдающего за процессом подготовки к казни, показывает момент рождения нового человека, который отказывается от прежней индифферентной позиции и теперь держит путь к красным, чтобы рассказать об увиденном.

История гибели беженцев-казахов на глазах сытых станичников-казаков, наживающихся на окружающем их голодном люде, показана в рассказе «Лога». И хотя тема этого произведения – любовь и взаимоотношения молодых героев Аксиньи и Сеньки Убычева, трагическая судьба степняков потрясает, способствует раскрытию нравственной проблемы. Казаки равнодушны, даже жестоки к появившимся казахам-беглецам, гонят их из станицы. Единственным человеком, пожалевшим их и накормившим «до отвала», вволю, оказался Сенька Убычев, молодой казак, давно ухаживавший за Аксиньей. Но она была потрясена признанием Сеньки в том, что он сделал это не из доброты, не из жалости. Оказывается, им руководила изощренная, извращенная жестокость: он хотел увидеть их предсмертные мучения, судороги из-за колик в пустом желудке от обилия сухого хлеба. Писатель не смакует натуралистические подробности тех или иных злодейств и зверств, случившихся в годы гражданской смуты. Описывая такие трагические, экстремальные ситуации, он обнажает социальные корни человеческих пороков, воспитанных старым строем. Самым уродливым и страшным из этих пороков он считает национальную рознь, вражду и показывает, как в этих же условиях рождается новое чувство дружбы и взаимопонимания между простыми людьми разных национальностей.

Процесс рождения новых тем и героев был далеко не безболезненным для старых и начинающих в 20-ые годы писателей и поэтов. Многие критики отмечали, что в эти годы «личность как главное лицо сюжета как бы исчезла». Литература переставала быть «художественной антропологией». Осип Мандельштам в статье «Конец романа», написанной в 1922-ом году, с горечью констатировал: «Дальнейшая судьба романа будет не чем иным, как распылением

биографии как формы личного существования, даже больше, чем распыление, катастрофической гибели биографии...<...>. Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз <...>. Человек без биографии не может быть стержнем романа, и роман <...> немаловажен без интереса к отдельной человеческой судьбе – фавуле и всему, что ей сопутствует» (2, 274-275). Поэт и исследователь современного ему литературного процесса верно отметил характерную черту литературы: личность уступила место массе, но оказалось, что художественные средства изображения массы как главного героя и действующего лица еще не были разработаны. Поэтому многие писатели 20-ые годов искренне полагали, что изображаемая ими массовая психология должна прежде всего соотноситься с революционной идеей, и отказывались от прежних приемов раскрытия образов, в первую очередь, от бытоописательства и других старых традиций классической реалистической литературы. А это естественным образом сказывалось на художественных достоинствах произведения, ибо приводило к ущемлению образной индивидуализации героя.

Попыткой преодоления этих недочетов новой прозы является первый роман Всеволода Иванова «Голубые пески», увидевший свет в 1923-ом году (3). Писатель делает здесь первые шаги к выработке новых принципов и приемов художественной типизации. Несмотря на то, что основная тема – события белогвардейского мятежа в Сибири, главными в сюжете оказываются не события, а герои, масса. Другое новшество коснулось композиции романа: писатель плодотворно использует замкнутую композицию, традиционную в классической литературе, и решительно отказывается от «рубленой» прозы. Динамичность действия при этом создается другими способами. Всеволод Иванов, в силу своего характера и постоянного поиска творческой манеры, не был только бытописателем. Поэтому его привлекают не обыденные явления действительности, а исключительные личности и необычные, яркие события, исключительные, парадоксальные ситуации, случившиеся в это необычное время – в период гражданской войны, ставшей по воле обстоятельств народной, охватившей не только центр, где зародилось революционное движение, но и национальные окраины. Пространство в его романе «Голубые пески» густо населено: узловые купцы, американизированные буржуа-капиталисты, духовенство, рабочие, революционеры, белогвардейцы, казахи, киргизы, матросы-анархисты, чекисты, красноармейцы. Поведение всех их и каждого в отдельности психологически и социально мотивировано: через кровь и смерть, страдания, болезни, несчастья и радости они определяют свое место в жизни, выбирают дальнейший путь.

Главный герой романа – комиссар чрезвычайного отряда Василий Запуг, легендарная личность, новый и «особенный» герой новой литературы о гражданской войне. В литературе 20-ых годов традиция изображения такого типа героя в лице Андрея Кожуха из «Железного потока» А.Серафимовича, Левинсона из романа А.Фадеева «Разгром» будет выработана после появления романа Всеволода Иванова. Его герой – романтик горьковского типа, одержим идеей создания нового мира. Несмотря на солидный пост и звание комиссара, Василий Запуг – жизнерадостная личность, любящий жизнь молодой человек, он счастлив от ощущения полноты бытия, любим женщинами, естественен в проявлении чувств, но умеет быть беспощадным к врагам и сострадать друзьям. Его поведение в первую очередь определяется служением революции, отсюда целеустремленность и твердость в принятии решений, порой жестоких, но, с его точки зрения, необходимых и исторически оправданных. А кажущиеся нам слабыми черты характера все же нельзя объяснять раздвоением личности. Он не рефлексирует, не мечется в поисках истины, его ошибки можно объяснить молодостью и политической неопытностью. Поэтому логичнее утверждать, что герой Всеволода Иванова Василий Запуг, комиссар чрезвычайного отряда – скорее не исключительный и особенный герой эпохи, а типичная личность, появившаяся в это необыкновенное время социальных потрясений.

Но в романе есть и другой тип комиссара – комендант Никитин, человек «без сомнений». Писатель акцентирует внимание на чертах его внешности: «каменное лицо, серое», «рот, похожий на прямой черный лозунг». Симптоматична еще одна деталь: Никитин лишен запаха и цвета. Всеволод Иванов, любивший всякое, необычное и сочно-вкусное и ароматное, наделял своих любимых героев способностью остро воспринимать окружающее. Никитину отказано в этом. Его «стерильная» дистиллированность символична: он отталкивает от себя людей, выступает явным антагонистом Василию Запугу и, в отличие от него, одинок среди людей. В революции он ценит прежде всего ее разрушительную силу. Власть, трезвый расчет, начальственный голос, ставка на авторитет делают его опасным рыцарем революции и придают этой трагической фигуре особый смысл.

Как видим, Всеволод Иванов со свойственной ему прозорливостью разглядел среди знакомых ему разнообразных героев гражданской войны наиболее яркие, характерные для революционной эпохи и гражданской войны. Впоследствии именно это качество писателя – пристрастие к необычному, героическому – станет определяющим при создании романов приключенческих и сатирических, бытовых и автобиографических, фантастических и психологических.

1. В. Иванов. Седьмой берег. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972.

2. Мандельштам О.Е. Конец романа // Осип Мандельштам. Собр. сочинений в 4 томах. – т.2. – М.: Художественная литература, 1995. – С.272-276.

3. Иванов В. Голубые пески. – М.: Круж, 1923.